

Chlupáčová, Kamila

Сопоставительный анализ лексики

Opera Slavica. 1995, vol. 5, iss. 2, pp. 18-21

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116594>

Access Date: 24. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ

Камила Хлупачова

До сих пор проделанный сопоставительный анализ лексики в плане русско-чешском, ориентированный преимущественно на словообразовательный аспект, позволяет сделать некоторые выводы, внести некоторые коррективы в привычные суждения и наметить перспективы.

I. Представление о слабости морфологического словообразования в русском языке в сравнении с возможностями чешской деривации нуждается в уточнении. Во многих областях русский язык, по сравнению с чешским, действительно проявляет недостаточность словообразовательных возможностей. Так в области существительных нет эквивалентов-дериватов к чешским отглагольным: *cvičenec, uchazeč, opozdilec; nálezcе, zájemce, výherce; čtanka, početnice, cvičebnice*. В области прилагательных нет производных от существительных в случаях: *sestra - sesterský (сестра - О)*, у слов церковнославянского типа: *pohub - pohybuvý (движение - моторный), pravopis - pravopisný (правописание - орфографический), výtat výtatový (значение - семантический), vývoj - vývojový (развитие - эволюционный)*. Но в иных сферах современный русский язык обнаруживает удивительную продуктивность. Это касается, например, образования существительных *nomina actoris (перестроечник, антиперестроечник, рыночник, антирыночник, анашист)*, образования универбатов на -ка в разговорной речи (*запaska, продленка, напряженка, незавершенка, непрерывка, безотходка*), или образования от существительных стилистических окрешенных глаголов (*грпповать, пенсионерить, фарцевать, шоферить, доцентствовать, валенсовать, обарахлиться, обгайдарить*). Есть и структуры, свидетельствующие о том, что в некоторых случаях преграды и лакуны устраняются: *страновой (страна), современный, супер-современный, повестной (повесть)*.

Учитывая и обстоятельство, что растут ряды лексически однородных интернациональных номинаций (*акционер, акционерный, акционировать, акционирование*), можно было бы констатировать, что доля типичной для русского языка лексической разнородности, диспаратности, супплетивности (*палец - перст, живот - брюшной, лечить - врач - аптека*) несколько снижается. Во всяком случае русский язык нашего времени использует возможности собственного словотворчества в гораздо

большей степени, чем нам представлялось раньше. Чтобы факты соответствовали русской языковой реальности, мы должны при сопоставительном анализе привлекать и материалы разговорные, просторечные, жаргонные, по крайней мере в объеме, представленном в современных русских газетных текстах.

Из сказанного вытекает, что нуждается в дальнейшей более подробной разработке и положение о большей немотивированности русского словаря. Задача сопоставлять количественное соотношение мотивированных и немотивированных номинаций остается в силе.

2. Оба языка различаются характером соотношения лексического и грамматического планов. В русском грани между лексикой и грамматикой более подвижны и менее очерчены, чем в чешском, о чем свидетельствует широкое использование синтаксических структур для целей номинации. Аппозитивные номинации (*государства - участники: účastnické státy, страна-хозяйка встречи: hostitelská země, кресло-вертушка, майка-плакат*), представляющие собой нейтрализацию противопоставления слово - словосочетание, имеют в своем большинстве член определяемый на первом месте, т. е. повторяют порядок компонентов в синтаксической структуре аппозитивной или предикативной. Возникает необходимость сопоставительного изучения всех видов трансформаций синтаксических структур в номинации: универбизации, мультивербизации, аппозитивного соположения, аббревиации, эллиптизации, с учетом подвижности границ у многих русских синтаксически обусловленных наименований.

3. В принципе несомненно правильное положение о том, что русский язык для обозначения элементов действительности часто находит более содержательные, более точные и конкретизирующие средства, надо подкрепить гораздо большим корпусом материалов. Тенденция чешского языка к использованию слов широкого значения (как будто сближающая чешский с французским и английским), проявляется в области существительных (*balík - посылка, пачка, стопка, тюк, пакет, сверток, рулон; okraj - кромка, кайма, поля, окраина, край, опушка, обочина, борт, рант, периферия*), в области прилагательных (*cizl - чужой, незнакомый, иностранный, чуждый, посторонний*), но особенно наглядно выступает у глаголов. В русском глаголе очень часто выражаются одновременно два значения: сам способ действия и его дополнительная характеристика: пространственная (*подниматься, спускаться - jít nahoru, jít dolů; положить, поставить, повесить, убрать, снять, сунуть, вынуть* и др. как эквиваленты чеш. "dátí"), качественная и количественная (*отоспаться - vyspat se dosyta, заспать - spát příliš dlouho, поспать, засидеться, достучаться*). Имеются и более сложные включения (*отдарить кого - odvděčit se dárkem tomu, kdo nás předtím obdaroval, отыграться - vyhrát zpět to, co jsem předtím prohrál*). В чешском в таких

случаях дополнительные характеристики даются вне глагола (*přislát na Měsíci* - прилуниться; *primarsit'sya*, *privenerit'sya*).

С другой стороны, в русском есть много глаголов, которые употребляются или исключительно в устойчивых фиксированных сочетаниях, напр. *оказать* (*помощь, поддержку, влияние, нажим, давление*), *одержать* (*победу, верх*), *творить* (*беззаконие, чудеса*), *влачить* (*жалкое существование, ярмо рабства, груз сомнений*), *облечь* (*полномочиями*), *возвести* (*на престол, в степень*), *возложить* (*венок, ответственность*), *блюсти* (*интересы, законы*), *навлечь* (*гнев, подозрения*), или в своем производном значении реализуются только в составе устойчивого сочетания: *поднять* (*восстание, вопрос, тревогу*), *бросить* (*упрек, взгляд*), *совершить* (*подвиг, поездку, сделку*), *вступить* (*в должность, во владение, в члены*). Итак, в обоих языках имеется определенное количество контекстно-связанных глаголов с отвлеченной семантикой и с функцией скорее строительной, но эта общая картина нуждается в более подробном изучении, которое поможет выявить и степень семантической автономности слова в сравниваемых языках.

4. Из запланированных задач сопоставительного анализа лексики отметим изучение того, как в области чешского словаря отражается чешско-немецкое двуязычие, в процессе столетий существовавшее на чешской территории, и в русском словаре билингвизм русско-французский, гораздо более ограниченный в смысле социальном и темпоральном. Пока можно отметить, напр. то, что возникшие в чешском в результате калькирования немецких образцов структуры, как правило, не имеют в русском прямых эквивалентов: *výlet, přednáška, maloměstoto, těžkopádný; chodit za školu*. Аналогично в плане русско-чешском: *гибрид "палеви́й"* (из фр. *pâle*) или семантическая калька *"трудный ребенок"* (*un enfant difficile*); многие фразеологизмы, напр. *проглотить язык* (*avalér sa langue*) - *mlčet*.

5. Пристального внимания заслуживает вопрос о том, как сравниваемые языки организуют свое синонимическое богатство по линии семантической и стилистической. (В чешском: *razlíko - štempl, tuč - štriangle, kopaná - fotbal*, в русском: *глаза - очи, рот - уста, слушать - внимать, похвастаться - предстать, конь - лошадь, пес - собака*). Это одновременно и тема сопоставительного изучения функций пластов заимствованной лексики. Исследование синонимов - это несомненно центральный вопрос в области внутренней организации семантических единиц, где наблюдаются между языками серьезные расхождения. Неодинаков и стилистический диапазон лексики.

6. Современный наплыв англоамериканизмов в обоих языках актуализирует тему проницаемости языков и их комбинаторных способностей. (В русском заимствования быстро и легко включаются в лексическую систему, в чешском могут оказаться обособленными).

7. Желательно наметить программу сопоставительных исследований по проблеме отношений между словарем и культурой. (Напр. русские лексемы: *воля, удалой, соборность, уклад, быт, кипляток*, чешские: *hosпода, rouh', posvícení, roposny, dožínky*, содержание чеш. "*národní*" в сопоставлении с русскими "*национальный, народный, отечественный, государственный*"). Тут вряд ли можно довольствоваться установлением лишь разнозненных фактов: целесообразно сопоставление фрагментов системы языка и системы социальной, культурной.

8. Традиционные темы - сопоставительное изучение полисемии и разной сегментации реальности для целей номинации до некоторой степени перекликаются с предыдущим пунктом (членение опыта и образование картины мира). Разработка проблематики в плане чешско-немецко-русском, герм. чешско-немецко-русско-французском могла бы дать интересные результаты.